

КОНЦЕПЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ДИСКУРСА СМИ

Концепция языковой личности Ю. Н. Караулова рассматривается как концептуальная установка для изучения дискурса СМИ. Вводятся дополнительные понятия речевой личности и речевого поведения.

Ключевые слова: языковая личность, речевая личность, речевое поведение, дискурс СМИ, медиаперсона.

Концепция языковой личности была представлена Ю. Н. Карауловым в конце 1980-х гг. в монографии «Русский язык и языковая личность». Он опирался на термин «языковая личность», предложенный В. В. Виноградовым в работе «О художественной прозе» (1930), посвященной речи персонажей художественной литературы. Ю. Н. Караулов развил эту идею, выражая свою исследовательскую позицию латинской фразой, помещенной в эпиграф одной из глав своего исследования: «Talis hominibus fuit oratio, quails vita» – «Каков человек, таковы его речи».

С одной стороны, появление концепции языковой личности – закономерный результат повышения интереса гуманитарных и социальных наук к личности человека и ее значению, с другой – выводит языкознание на новый уровень развития, который характеризуется антропоцентрическим подходом к изучению языка. В отечественной лингвистике понятие языковой личности находим в работе Ф. В. Буслаева «О преподавании отечественного языка» (1930), где автор называет главным объектом педагогической деятельности личность ученика, а не язык, как было ранее.

Отметим, что именно в лингводидактике концепция языковой личности получила

живое развитие (в том числе и благодаря исследованиям самого Ю. Н. Караулова). Г. И. Богину принадлежит трактовка этого понятия с точки зрения обучения человека языку: языковая личность в его исследованиях предстает как «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности исполнять речевые поступки и принимать произведения речи» [1982. С. 3]. В целом лингводидактика, наука о преподавании языка, воспринимает языковую личность как структуру персональных характеристик, описывающих компетенции и готовности человека к коммуникации на определенном языке.

Базовая категория концепции Ю. Н. Караулова – языковая личность или «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)» [2004. С. 35]. В понятии языковой личности фиксируется связь языка с индивидуальным сознанием личности, с мировоззрением. Поэтому исследователь разделяет структуру языковой личности на три уровня, однако подчеркивает их взаимопроникновение [Там же. С. 37]:

- 1) нулевой, или вербально-семантический (лексико-грамматический);
- 2) первый, или лингвокогнитивный;
- 3) второй, или мотивационный.

Первый уровень отвечает за производство текстов, вербализацию мыслей в актах коммуникации. На втором «находятся» концепты, составляющие индивидуальную картину мира. Третий характеризует мотивы и цели текстопорождения, которые, как следствие, определяют иерархию смыслов в языковой модели мира личности.

По словам исследователя, языковая личность есть «личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов, 2004. С. 38]. Однако, по его мнению, связью между нулевым и первым уровнями языковой личности являются экстралингвистические факторы: основываясь только на анализе языковых средств, употребляемых человеком, сделать выводы о его языковой картине мира невозможно. Ю. Н. Караулов подчеркивает невысокий статус вербально-семантического уровня: в названии «нулевой», в размышлениях о том, что интеллектуальные силы личности не задействованы в обыденном использовании языка, которое является в среднем базовым для всех носителей. Вместе с тем в своих работах он уделяет большое внимание анализу словаря отдельных языковых личностей, что не было бы необходимо, если бы языковые средства употреблялись всеми носителями одинаково и не представляли интереса для характеристики конкретных языковых личностей.

Идею о том, что по языковым средствам можно судить о свойствах высших уровней языковой личности, развивают исследователи, работающие в различных отраслях лингвистики. Так, С. А. Сухих, комментируя трактовку концепции языковой личности в психолингвистике, говорит о том, что «предпочтение тех или иных языковых форм <...> может сигнализировать о более глубоких уровнях индивидуальности, например о характере, темпераменте, установках» [2004. С. 56]. В. И. Карасик использует понятие речевого паспорта как «совокупности тех коммуникативных особенностей личности, которые делают эту личность уникальной (по меньшей мере, узнаваемой)» [2004. С. 10], в том числе и языковых.

В интерпретации В. И. Карасика языковая личность рассматривается в трех проявлениях и аспектах изучения: ценностном,

познавательном и поведенческом. При этом он говорит об обобщенном образе «носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [Там же. С. 22]. Исследователь стоит на позициях лингвокультурологии и социолингвистики, рассматривая вопрос о языковой личности через призму коммуникативной лингвистики.

Концепция языковой личности востребована и литературоведами. В этом случае можно говорить о реконструкции языковых личностей конкретных персонажей – базой для анализа является массив текстов, произнесенных / написанных / продуманных ими в виде внутреннего монолога в литературном произведении, также дана информация об экстралингвистических факторах, повлиявших на формирование картины мира и поведенческих установок.

Таким образом, варианты трактовки и применения концепции языковой личности в различных науках можно разделить по типу объекта исследования. Им может быть конкретная или обобщенная языковая личность. В первом случае мы говорим о характеристиках литературных героев (литературоведение) или людей, изучающих язык (лингводидактика). Второй вариант, как правило, попадает в сферу интересов лингвокультурологии и социолингвистики, которые составляют типологические портреты групп, объединенных социальным статусом или географической / исторической принадлежностью. Сюда же можно отнести исследования психолингвистов.

В каждом случае структурное деление языковой личности по Ю. Н. Караулову является методологической основой исследования. Так, массив текстов, которые являются предметом изучения литературоведа при составлении модели языковой личности того или иного персонажа, ограничен и одновременно полон в созданной писателем реальности. Анализ языкового материала рукописей в сочетании с информацией о коммуникативных целях их автора дают возможность составить представление о характеристиках языковой личности автора и сделать выводы о состоянии языка определенной социальной группы, к которой принадлежал автор, в определенный исторический период. В целом особенности дискурсов, в которых происходит реализация

языковых личностей (профессиональное общение, обыденное общение, обусловленное социальным статусом и т. п.), позволяют предположить, какими когнитивными и прагматическими характеристиками обладают носители языка в этих группах. Проверка и корректировка этой информации проводится с помощью анализа вербально-семантического уровня языковых личностей представителей этих групп. Для того чтобы оценить языковые средства, которые используют участники группы, исследователи составляют объемные базы текстов, письменных (в авторской редакции) или устных, которые затем тщательно расшифровываются.

Изучение языковых личностей медиаперсон, т. е. людей, ставших широко известными благодаря присутствию в текстах средств массовой информации, обладает актуальностью и значимостью. Медиаперсоны, популяризированные и даже мифологизированные в дискурсе СМИ, становятся частью картины мира массовой аудитории, лидерами мнений, могут влиять на принятие решений в тех или иных областях, поэтому важно понимать, как складываются их медиаобразы.

Медиаперсоны присутствуют в дискурсе СМИ как собственно личности, через информацию о событиях, эпизоды их жизни, и как языковые личности, т. е. проявляют себя в текстах. Тем самым исследователям дискурса СМИ доступны информация об экстралингвистических факторах, оказывающих влияние на языковую личность, а также массив текстов, который можно анализировать с точки зрения используемых языковых средств.

Однако для решения задач лингвистических исследований, посвященных дискурсу СМИ, теория языковой личности является недостаточной. Более того, схемы анализа, которые основываются на последовательном изучении уровней структуры языковой личности, могут привести к некорректным выводам.

Дело в том, что личность, ее поступки и высказывания в дискурсе СМИ подвергаются воздействию дискурсных условий, которые оказывают влияние, во-первых, на сами поступки и высказывания, а во-вторых, неизменно приводят к изменению первоначальных текстов, порожденных участниками дискурса. Получается, что тексты,

которыми располагают исследователи, не могут отражать вербально-семантический уровень структуры языковой личности медиаперсоны, и не могут служить полноценным материалом для анализа первого, когнитивного, уровня.

Рассмотрим эти дискурсные условия подробнее. Во-первых, они связаны с техническими аспектами подготовки материалов СМИ к публикации. Только небольшое количество печатных интервью, теле- и радиопередач предоставляет аудитории возможность оценить речь медиаперсоны в первоначальном виде: как дословную расшифровку диктофонной записи или в прямом эфире. Но даже в этих случаях СМИ имеют возможность вмешаться, изменить непосредственно высказывание или впечатление о нем, используя визуальный ряд, дополнительные эффекты. Остальные материалы, предоставленные массовой аудитории, включают в себя речь медиаперсон в измененном виде. В случае с публикацией интервью в печатных или электронных изданиях это связано с неизбежным искажением первоначального текста высказываний при переводе его из устной речи в письменную. На телевидении и в радиоэфире изменения связаны с требованиями хронометража.

Кроме того, изменения текстов высказываний могут носить стилистический характер, в частности, устранение нецензурной лексики. СМИ в целом стремятся к корректировке речи, ее стандартизации. Это связано с типологическим аспектом: в качественных СМИ, к примеру, язык более нормирован, а бульварная пресса позволяет себе вольности, как в авторских текстах, так и в прямой речи героев интервью.

Не секрет, что часто происходит намеренное изменение стилистики или фактического содержания первоначального высказывания с целью поддержания того или иного медиаобраза. Это может произойти, например, во время согласования текста интервью с героем или его пресс-службой.

Технический аспект также влияет на поведение человека, помещенного в дискурс СМИ. Диктофон, радиомикрофон или камера оказывают различное влияние на людей: неопытный интервьюируемый может теряться, казаться гораздо менее компетентным, чем есть на самом деле. Подготовленные спикеры знают, каких ответов хотят

журналисты, – феномен *fast-thinking*¹ П. Бурдые в действии – и строят высказывание соответствующим образом, нередко упуская важные детали, утрируя, искажая информацию.

Другим важным дискурсным условием является публичность, т. е. возможность попасть в материал СМИ и тем самым донести какую-либо информацию (произвести впечатление, создать новые смыслы) до широкой аудитории. Публичность является условием, которое влияет равным образом и на журналиста, и на героя его материала. Для первого это профессиональная цель, достижение которой выражается в получении гонорара. Для второго публичность – или нежелание ее получить – может быть связана с поддержанием репутации, с накоплением символического капитала. Необходимо помнить о том, что разная информация имеет разный «потенциал публичности». Наиболее востребована массовой аудиторией, а значит, имеющая больше шансов на публикацию информация о происшествиях, событиях из жизни тех самых медиаперсон, которые стали неотъемлемой частью повседневной жизни. Разумеется, информация должна быть как можно более эксклюзивной и сенсационной, поэтому и журналисты, и их герои стараются сделать свои высказывания и высказывания друг друга именно такими.

Конечно, нельзя говорить о том, что дискурс полностью перерабатывает речевые портреты своих участников и их языковые личности не имеют возможности себя проявить. Однако некорректно считать их естественным отражением нулевого и первого уровней и делать выводы о втором, некорректно реконструировать модель конкретной языковой личности на основании ее высказываний в СМИ. Даже в тех случаях, когда медиаперсона «живет» в дискурсе

¹ Описывая спешку, в которой работают редакции телеканалов, постоянно конкурирующие друг с другом в борьбе за рейтинги, П. Бурдые использует выражение *fast-thinking*. С помощью этого явления автор характеризует высказывания «экспертов», которых журналисты привлекают для комментирования тех или иных вопросов. Вынужденные высказываться в общем ритме работы телевидения, эти люди оперируют «готовыми идеями», известными всем банальностями, «общими, не вызывающими возражений <...> усвоенными всеми до того, как вы их усвоили, поэтому проблема восприятия не ставится» [2002. С. 45].

СМИ достаточно долгое время, известны «фирменные» языковые средства, есть экстралингвистические данные, и, казалось бы, можно сделать выводы о когнитивном и даже мотивационном уровнях, у нас недостаточно информации для реконструкции языковой личности. В качестве примера можно привести широко известный прямой эфир спортивного комментатора Дмитрия Губерниева в конце августа 2011 г. во время матча «Спартак» – ЦСКА. Перестав держать себя в профессиональных рамках, Губерниев предоставил исследователям дополнительный материал для анализа сразу трех уровней своей языковой личности.

Для характеристики высказываний медиаперсоны, какими они появляются в материалах СМИ, мы предлагаем использовать понятие речевой личности.

После того, как введенная Ю. Н. Карауловым концепция языковой личности стала активно использоваться исследователями в различных отраслях лингвистики, последовал этап ее переосмысления, адаптации под конкретные задачи. Как отмечается в исследовании И. А. Стернина и Ю. Е. Прохорова «Русские: коммуникативное поведение» [2011], «в связи с популярностью термина “языковая личность” в названии многих современных отечественных исследований стоит именно это словосочетание, хотя фактический объем многих таких исследований неизменно включает коммуникативное поведение личности как составную часть осуществляемого описания». Несмотря на то, что для авторов лингвистический аспект является лишь составляющей частью коммуникативного поведения, их замечания по поводу «расширения предмета» являются справедливыми и для собственно лингвистических исследований, которые касаются реализации языка и речевой деятельности.

По большей части, новое понятие речевой личности вводится исследователями как продолжение концепции языковой личности на основании дихотомии «язык – речь». Если Ю. Н. Караулов настаивает на том, что языковая личность как таковая начинается и функционирует главным образом на когнитивном уровне, на уровне концептов, то исследователи, которые обращаются к непосредственно речевой деятельности, видят необходимость и возможность во введении понятия речевой личности (например, А. А. Мурашов, В. А. Маслова). «Речевая

личность – это языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности», – считает В. А. Маслова [2001. С. 119], добавляя, что на уровне речевой личности проявляются национально-культурная специфика языковой личности и национально-культурная специфика самого общения.

В подобных работах, как правило, не уделяется внимание соотношению языковой и речевой личности «в рамках» функционирования конкретной человеческой личности. В этом смысле особенно важными видятся результаты исследования В. В. Красных, которое описывает «человека говорящего» и формы, в которых он реализуется как носитель языка и представитель определенной культурно-исторической среды. Исследователь считает «человека говорящего» (личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность) трехкомпонентной структурой, «системой “личностных” феноменов», состоящей из языковой личности, речевой личности и коммуникативной личности [Красных, 2003. С. 50]. При этом первый и второй феномены состоят в парадигмальной связи, где языковая личность есть парадигма, а речевая – ее элемент. Коммуникативная личность в свою очередь является результатом функционирования этой системы (парадигмы).

Таким образом, в соответствии с терминологией В. В. Красных мы можем говорить о следующей триаде:

- языковая личность – личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая определенной совокупностью знаний и представлений;
- речевая личность – личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающая и использующая тот или иной репертуар средств;
- коммуникативная личность – конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации [Красных, 2003. С. 51].

В основе концепции «человека говорящего» В. В. Красных лежит идея Ф. де Соссюра о речевой деятельности, объединяющей язык и языковую способность и противопоставленной речи, и созвучная ей концепция А. А. Леонтьева о составляющих речевой деятельности. При этом В. В. Красных подчеркивает теоретическую значи-

мость разграничения «личностных» феноменов, тогда как на практике в момент речевой деятельности каждый человек выступает одновременно в трех формах.

С позиции решения практических задач выступает в своем анализе соотношения понятий языковой и речевой личности Л. П. Клобукова. Рассматривая методический аспект проблемы обучения иностранцев русскому языку, исследователь приводит в пример явление диглоссии² и необходимость овладеть им при изучении иностранного языка. Л. П. Клобукова говорит о том, что концепция языковой личности в общем виде (как трехуровневая структура) является недостаточным категориальным аппаратом для методиста, и настаивает на развитии понятия с помощью термина «речевая личность». Пример с диглоссией позволяет исследователю говорить о том, что любая языковая личность представляет собой многоуровневую и многокомпонентную парадигму речевых личностей [1997. С. 29], т. е. одна языковая личность может быть реализована во множестве речевых. Такая трактовка отношений языковой и речевой личностей определенного человека представляется закономерной и продуктивной для исследований, включающих анализ эмпирической базы.

Ю. Н. Караулов не отказывал описанной им языковой личности в возможности и способности реализации. Анализ нулевого уровня строится им на базе уже использованных субъектом средств языка. Дополнение концепции языковой личности понятием речевой личности, которая лишь «отвечает» за реализацию языкового потенциала (когда одной языковой личности соответствует единственная речевая, т. е. ее «воплощение» в речевой деятельности), кажется дублированием и необоснованным расширением категориального аппарата. При этом тезис о том, что языковая личность может быть реализована в нескольких (количество речевых личностей зависит от выбранного критерия классификации и,

² Автор, ссылаясь на Л. П. Крысина, определяет его как «явление, заключающееся в том, что члены одного и того же языкового общества, владея разными коммуникативными подсистемами – языками, диалектами, стилями, – пользуются то одной, то другой в зависимости от социальных функций общения».

в принципе, может быть бесконечно большим) речевых личностях, предоставляет возможности для анализа этих речевых личностей, оставляя «за скобками» единую, уникальную, когнитивную и аксиологическую базу их носителя.

В частности, такой подход видится продуктивным для исследований дискурса СМИ. Недостаток информации – неизбежное условие, в котором проводятся исследования языка участников дискурса СМИ. При этом очевидно, что разные медиаперсоны обладают разными речевыми портретами, более или менее яркими, высказывания играют разную роль в их «жизни» в дискурсе. Все это соответствует тезису Ю. Н. Караулова о том, что человек уникален в своей текстопорождающей деятельности, что в ней находят отражения черты его личности. Получается, что, воспринимая материалы СМИ, аудитория получает информацию о личностных характеристиках их автора. Однако совокупность этих характеристик еще нельзя назвать языковой личностью: аудитория СМИ (в том числе исследователи) наблюдает за функционированием речевой личности медиаперсоны как речевой личности, характерной для дискурса СМИ.

Можно говорить о медийной речевой личности – о тех характеристиках личности, которые проявляются в ее присутствии в дискурсе СМИ. В ряду речевых личностей, в которых может воплощаться определенная языковая личность, медийная речевая имеет особый статус. Практически невозможно провести границу между непосредственным проявлением речевой личности (под влиянием дискурсных условий) и искажениями, которые дискурс привносит в ее высказывания.

Медийная речевая личность – одна из составляющих медиаобраза медиаперсоны, который также включает фактический аспект (поведение человека, факты из биографии и т. п.), а также комментарии третьих лиц, доступные аудитории СМИ.

В целом необходимо подчеркнуть, что для исследователей дискурса СМИ теория языковой личности имеет значение, в первую очередь, как концептуальная установка. Она получает развитие, например, в размышлениях о качестве информации, предоставляемой СМИ, о ее достоверности. Этот тезис, видимо, должен быть переведен из теоретической плоскости в практиче-

скую, став базисным для журналистской деятельности.

Другим понятием, которое описывает присутствие медиаперсоны в дискурсе СМИ, является речевое поведение. Речевое поведение характеризует языковую личность, ее коммуникативные стратегии и тактики в конкретных ситуациях, в частности, в условиях дискурса СМИ.

По определению, данному Т. Б. Радбилом, речевое поведение в общем виде является «последовательной актуализацией личностью определенного набора мотивационно-прагматических установок и правил их речевой реализации в конкретных условиях общения (коммуникации)» [2006]. Речевое поведение индивидуально и в этом смысле соотносится с концепцией Ю. Н. Караулова и его последователей, однако вместе с тем оно всегда зависит от принятых норм поведения и моделей коммуникации, характерных для определенных ситуаций. На проявление в речевом поведении индивидуальных характеристик указывает также В. И. Карасик, называя его «осознанной и неосознанной системой поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека» [2004. С. 8].

Т. Б. Радбиль в размышлениях о речевом поведении развивает концепцию Н. Б. Мечковской о практическом и семиотическом поведении человека. Практическое действие непосредственным образом позволяет достичь цели, семиотическое – является символом другого, не связанного с первым напрямую [Радбиль, 2009]. При этом речевое поведение трактуется исследователем широко, как аспект человеческого поведения вообще, осуществляемый лингвистическими средствами.

И. А. Стернин и Ю. Е. Прохоров поддерживают такую трактовку, описывая коммуникативное сознание, которое влияет на коммуникативное поведение человека. Авторы считают языковое сознание (которое отвечает за выбор языковых средств) частью коммуникативного, следовательно, языковое поведение – частью коммуникативного поведения [2011]. При этом слово «языковой» в данном случае является синонимом слова «речевой», так как относится к речевой деятельности, к реализации языка.

Применительно к исследованию дискурса СМИ использование термина «коммуникативное поведение» (с включенным в него

лингвистическим аспектом) кажется некорректным, потому что коммуникация с аудиторией носит опосредованный характер. Ситуации присутствия медиаперсоны в дискурсе СМИ носят разнообразный характер, и поэтому привести их к общему коммуникативному знаменателю (например, типу адресата) и охарактеризовать на этом основании коммуникативное поведение медиаперсоны в целом не представляется возможным.

При этом с методологической точки зрения понятие речевого поведения представляется менее эффективным для изучения текстов СМИ, чем понятие речевой личности. В большинстве случаев исследователю доступны только результаты работы дискурса СМИ – тексты, записи теле- и радиопрограмм. Таким образом, составить достоверное представление о речевом поведении в процессе функционирования дискурса (во время записи интервью, даже во время записи ток-шоу в студии) практически невозможно из-за влияния технических аспектов, о которых говорилось выше.

Вместе с тем имеющиеся данные о речевом поведении медиаперсоны (даже эпизодические) обязательно должны учитываться при анализе ее речевой личности. В частности, это может помочь в разделении проявлений языковой личности и влияния на нее дискурсных условий.

Список литературы

Богин И. Г. Концепция языковой личности: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1982.

Бурдые П. О телевидении и журналистике / Пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой; отв. ред., предисл. Н. Шматко. М., 2002.

URL: <http://bourdieu.name/content/burde-otelevidenii-i-zhurnalistiche>

Клобукова Л. П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. / Под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. М.: Филология, 1997. Вып. 1. URL: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_01_02klobukova.pdf

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: Моногр. М.: Гнозис, 2004.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность: Моногр. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?: Моногр. М.: Гнозис, 2003.

Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие. М.: Академия, 2001. URL: <http://www.helpforlinguist.narod.ru/200110N0057/MaslovaVA.html>

Радбиль Т. Б. Человеческий фактор в языке: лингвистическая прагматика и теория речевых актов (основные термины и понятия): Учеб.-метод. пособие. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2006.

Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009.

Стернин И. А., Прохоров Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение: Коллект. моногр. М.: Флинта, 2011. URL: http://fictionbook.ru/author/iosif_abramovich_sternin/russkiye_kommunikativnoe_povedenie/read_online.html?page=1

Сухих С. А. Личность в коммуникативном процессе: Моногр. Краснодар: Изд-во ЮИМ, 2004.

Материал поступил в редколлегию 09.04.2013

Е. А. Alekseeva

CONCEPT OF LANGUAGE PERSONALITY IN MASS-MEDIA DISCOURSE RESEARCH

The concept of language personality of Yu. N. Karaulov is considered in this article as a conceptual stance for mass-media discourse research. The additional notions such as speech personality and speech behavior are introduced

Keywords: language personality, speech personality, speech behavior, mass-media discourse, media-person.